

ПОВЫШАЕМ СВОЮ КВАЛИФИКАЦИЮ

И.ТИХОМИРОВА, канд. пед. наук
С.-Петербургский университет культуры и искусств

Читают ли наши читатели?

Продолжаем публиковать статьи ведущих специалистов библиотечного дела. Какова ныне, сегодня, содержательная сторона понятия "читатель", "юный читатель"? Предлагаем Вашему вниманию статью Ирины ТИХОМИРОВОЙ, которая размышляет над проблемами чтения как психологического процесса.

Странный вопрос, подумают некоторые. Ответ очевиден: потому они и читатели, что читают.

Любой библиотекарь, работающий с детьми долгое время, скажет нам, что в последнее время школьники стали чаще и активнее обращаться к книге. В доказательство приводятся цифры контрольных показателей, которые говорят о возросшей книговыдаче, посещаемости, показываются толстые читательские формуляры детей. Возможно, кто-то сошлется на полные читальные залы и возникшие вновь очереди, о которых уже забыли опытные библиотекари.

Поддерживают мнение о росте детского чтения и отдельные исследователи. Приводятся утешающие цифры, указывающие на активизацию в последние годы спроса на разные виды литературы, в том числе и на художественную классику, делаются выводы о том, что рейтинг чтения у школьников заметно повышается, что оно вновь начинает занимать лидирующее положение в структуре свободного времени и т.д. Все это создает картину внешнего благополучия. Против цифр и фактов трудно возразить.

Однако, если мы откроем газету "Книжное обозрение" за 2000 год, где с 10 апреля идет акция "Чтение", начатая статьей Е.И. Голубевой "Гражданин читающий – национальная ценность России", почти в каждой статье, посвященной детскому чтению, мы обнаружим слово "кризис", который рассматривается как утрата важнейшего духовного ресурса страны.

Итак, с одной стороны, нам говорят о расцвете детского чтения, с другой, – о его кри-

зисе. Кто же прав? Очевидно, правы и те, и другие, в зависимости от того, что вкладывается в понятие "детское чтение" и какими критериями его оценивают. Если оценивать **с позиции количества, то здесь кривая явно идет вверх.** А если посмотреть **с точки зрения качества** – отношения к чтению, его мотивации, восприятию, включенности в содержание читаемого, характера обратной связи с тестом – **то чтение кричит SOS.**

Главный показатель кризиса, от которого зависят все другие качественные характеристики чтения, – катастрофический спад интереса к этому виду деятельности. Как говорит инициатор акции "Чтение" Е.А. Баханов, "падение в России интереса к чтению, особенно у подрастающих поколений, вошло в критическую фазу ("Книжное обозрение". 2000. № 24. С. 17). Если принять за интерес привлекательность, эмоционально-положительное отношение, возбужденное внимание, то чтение у нынешних детей скорее вызывает отрицательную реакцию, которую очень хорошо выразила одна девочка из Псковской области: **"Как подумаю о чтении, сразу начинается депрессия"**.

Установка школьников на чтение как на необходимость, идущую "извне" ("велели"), а не изнутри ("хочу") сопрягается у них с негативным отношением к самому печатному слову – материалу для чтения. Особенно к тому, что вошло в школьную программу, даже если это литературные шедевры. Вот показательная сценка: школьница спрашивает у библиотекаря "Бегущую по волнам" А. Грина, и пока та идет за книгой, девочка обращается к своей подруге, стоя-

щей рядом, со словами: “Тебе хорошо, ты прочла эту дрянь, а мне еще предстоит сидеть над ней”. Читательский негативизм перерастает порой в сознательную вражду ко всем книгам. Проведенный несколько лет назад под руководством О.Р. Старовойтовой эксперимент в трех седьмых классах одной из петербургских гимназий (детям напоминали ситуацию из повести Р. Брэдбери “451 градус по Фаренгейту”, где, как известно, речь идет о противоборстве сжигателей и спасателей книг, и предлагали выбрать ту или иную позицию) показал: **треть учеников готова встать на сторону сжигателей книг**. В последние годы в среде специалистов даже возник термин “феномен ненавистного чтения”, который красноречиво передает отношение школьников к этому роду занятий. Судя по данным исследования “Выпускник ... года”, проводимого в Петербурге ежегодно по одной и той же программе, чтение (начитанность) стоит у выпускников на последнем месте. Само слово у некоторых вызывает аллергию. Читать стало не модно, не престижно. Это все равно, что уронить свое достоинство. Как рассказал Михаил Задорнов в одной из телепередач: на вопрос его к девушке “Что вы читаете нынче?” – получил ответ: “Дура я, что ли, чтобы читать?!” В одном из выпусков программы “Вести” я услышала, что в какой-то стране (если правильно запомнила, в Португалии) нарушивших правила движения шоферов **приговаривают к чтению**, и пока нарушитель не прочитает предложенной ему книги, ему не возвращают права. Нечто подобное происходит и с нашими детьми: им не поставят положительную оценку в школе, пока они не прочитают заданное.

Но учеба есть учеба, и ученик вынужден идти в библиотеку, формулировать свой читательский запрос, садиться за стол и склоняться над текстом. Давайте присмотримся к читательской деятельности хотя бы одного ученика. Например, взявшего книгу “Пушкинские места Петербурга”, чтобы, согласно заданию, описать место дуэли поэта. Перелистав энное количество страниц, он находит нужную ему информацию, переписывает отвечающие на его запрос абзацы и возвращает книгу библиотекарю. Задание он выполнил. Библиотекарь причисляет ее к сумме книговыдач за день, формально считая книгу прочитанной, а того, кто ею воспользовался – читателем. Однако то, что проделал школьник с книгой, едва ли можно назвать чтением. Это было ознакомление с ней (листал ее), выборка нужных сведений (нашел искомую информацию), фиксация нужного материала (записал в тетрадь). Если и можно назвать это потребле-

ние книги чтением, то с очень большой натяжкой, приняв за чтение целевое получение заключенной в тексте информации. Если же *чтением* считать по меньшей мере восприятие написанного (так этот термин определяется в “Словаре русского языка” С. Ожегова), то можно со всей определенностью сказать, что *чтения* в деятельности этого ученика не было. Восприятие – это принятие текста в самого себя (вос – приставка, означающая движение внутрь, приятие – старинная форма нынешнего слова “принятие”). Содержание книги при открытии страниц не переходит само собою в голову читающего, оно требует включенности в него со стороны читателя, усилия ума и сердца. Этот процесс двустороннего движения от книги к читателю, от читателя к книге Марина Цветаева назвала “соучастием в творчестве”. И это не только ее определение. Каждый талантливый читатель подтвердит, что он не просто воспроизводит текст в своем сознании, а отвечает на художественную мысль и чувства писателя аналогичными движениями своей мысли и своего чувства.

Захлестнувшая мир информация захватила свою орбиту современную школу. И гимназии, и лицеи, и обычные средние школы – все повернули свои учебные программы в сторону информации. Школьники хлынули в библиотеку за информацией. Словом “информация” стало лексически заменяться слово “чтение”. **Книгой стали “пользоваться”, с ней стали “знакомиться”, с текстом стали “работать”, но не читать. Книга превратилась лишь в источник информации, а чтение – в способ ее получения. Постепенно слово чтение стало выходить из употребления и в библиотечной лексике.** Мне пришлось недавно присутствовать на защите дипломных работ заочников СПбГУ-КИ (библиотечно-информационный факультет). Из 30 защит, коих я была свидетелем, только две касались вопросов чтения. Остальные были так или иначе связаны с информацией. “Информационные запросы”, “информационные потребности”, “информационные услуги”, “информационные ресурсы”, “информационная культура” – вот термины, пестрящие в названиях большинства работ.

Если лет 8 – 10 назад, готовя реферат или доклад, дети пользовались несколькими источниками, проявляя в комбинировании материала хоть какое-то творчество, то в последние 2 – 3 года и эти возможности при самостоятельной работе с книгой исчезают. Дети предпочитают справочники, где выборка и свертывание информации произведены усилиями авторов, а не читателей. **Особенно пострадало в усло-**

виях информационного бума чтение художественной литературы и, прежде всего, классики, изучаемой в школе. С ней стали в лучшем случае знакомиться через адаптированные издания типа “Все произведения школьной программы в кратком изложении”, а в худшем вообще не читать, предпочтя им “Словарь литературных персонажей” и т.п., где материал об “образах” изложен специалистами в рамках требований образовательного стандарта. Для написания сочинений нынче в ходу “250 золотых сочинений” и ему подобные издания, в которых есть даже рубрика “Моя любимая книга”. (Такого рода пособия появились и в компьютерном варианте). Спрос стал порождать предложения, а предложения – спрос. Что тут первично – трудно сказать. Как поется в песенке, “умный в гору не пойдет, умный гору обойдет”. **Если чтение заменимо готовой информацией – зачем читать?** Ведь второе освоить значительно легче первого. Эти аргументы можно было бы принять, если не задумываться о конечном результате предлагаемой профанации.

Большой урон идее полноценного чтения нанесло так называемое “скорочтение”, которое порой называют культурой нового тысячелетия. Стала выходить серия книг “Школа рационального чтения”, появилось множество курсов по освоению этого метода. (Пишу эти строки, а по радио идет реклама московской школы техники быстрого чтения Олега Андреева. Ее девиз: “Будешь быстрее читать, будешь лучше учиться”). Если вдуматься в суть этого явления, то его правильнее было бы назвать “техника быстрой выборки из текста нужной информации”, ибо к чтению как к восприятию и творчеству оно имеет весьма отдаленное отношение. Главное в нем – найти ключевые слова, основные мысли, ухватить общий смысл. Надо отдать должное этой технике. Когда человек имеет дело с текстом, написанным по определенному алгоритму (к нему можно отнести отчасти и учебники), и ставит целью получить за короткое время общее представление о содержании написанного или вычленив из него конкретную информацию, тогда скорочтение незаменимо. Но при этом важно задуматься: выбрасывая из текста все “лишнее”, не выбрасываем ли мы вместе с ним и важное?

Юрий Лотман, известный литературовед, говоря о романе “Евгений Онегин”, выделил в нем довольно обширную информацию о дворянском хозяйстве, образовании, воспитании девушек, плане и интерьере помещичьего дома, быте в столицах и провинции, развлечениях, почтовой службе, правилах дуэли, многом другом.

Однако выбранная информация, как он сам подчеркивал, – лишь часть содержания романа Пушкина. За рамками “энциклопедии русской жизни”, как называл роман Белинский, огромный мир идей, образов, чувств, ассоциаций, реминисценций, многообразие интонаций, инсказаний и других тонкостей, которые не вычитаны людьми и за 200 лет, которые в каждом читателе живут своей особой жизнью и отвечают на его собственные вопросы, не предугаданные автором. В каждом слове поэта заключено пространство, которое читатель заполняет сам, исходя из своего жизненного опыта.

Слово в литературном произведении эквивалентно не столько информации, сколько образу, мысли, чувству. Словесный образ живет в читательском сознании как открытый, незаконченный, противящийся конечному воплощению. **Психолог Л. Выготский сравнил чтение с евангельским чудом – претворением воды в вино: волнение, вызываемое литературными образами, “заключает в себе нечто сверх того, что в них содержится”.** В этом “нечто” и заключена чудодейственная сила чтения. Слово будит творческую мысль, открывает безграничный простор для чувств и фантазии.

Сводить чтение к получению информации – значит принижать его достоинство, вульгаризировать, обездушевлять, многомерный мир сводить к одномерному.

Подчеркнем еще раз – не в получении информации одной сущность чтения (информацию, гораздо более качественную, можно получить с дисплея компьютера). Его сила совсем в другом, и этой силе нет альтернативы. Вспомним, как Иван Тургенев в рассказе “Пунин и Бабурин” характеризует момент восприятия художественного произведения: “Невозможно передать чувство, которое я испытал. Все вокруг исчезает... с нами поэзия, мы проникаемся, мы упиваемся ею, у нас происходит важное, великое, тайное дело”. Структуру этого “важного, великого, тайного дела” раскрыл К. Станиславский в книге “Работа актера над собой”. “Мы пересоздаем произведение – говорит он, – вскрываем в чужом тексте свой подтекст, устанавливаем свое отношение к людям и условиям их жизни, мы пропускаем через себя весь материал, полученный от автора, мы вновь перерабатываем его в себе, оживляем и дополняем его своим воображением”. Эта активная, многомерная и эмоционально насыщенная жизнь требует готовности все это испытать и пережить. Но именно она, уникальная творческая жизнь, дающая наслаждение, и есть движущая сила, влекущая к чтению. Если представить себе, что

ее нет, чтение теряет привлекательную силу и превращается в сугубо деловое занятие с прагматической целью, каким оно и является в представлениях и реальной жизни большинства современных школьников. Надо сказать для уточнения, что **мир информации – это мир опредмеченный, подверженный формализации. В отличие от литературного, язык информации обеднен и принудительно однообразен.** То, чем сильна литература и что дает читателю полет фантазии, для информации только помеха. И еще, если для информации в тексте важны ключевые слова, то для подлинного читателя (как и писателя) *нет* НЕключевых. Как говорил актер Игорь Ильинский применительно к произведениям Гоголя: в его произведениях “все без исключения важно, начиная от выразительнейших гоголевских ремарок и кончая многоточием, каждой паузой”. Его высказывание применимо к любому полноценному художественному произведению. Все, чем сильна литература, что ценится в ней – многозначность слова, индивидуальный стиль и интонация автора – весь неопредмеченный мир: мечты, чувства, аналогии, сравнения – все пропадает. Литература обедняется, а вместе с ней обедняется читатель. Отдавая все стереотипному левому полушарию, человек теряет работу правого, ведающего творчеством, фантазией, аналоговым мышлением, вдохновением, озарением. Потеря здесь невосполнима, и **человек, питающийся только информацией, для культуры – погиб.**

Теряет в этом случае свое значение и сама литература. **Доведенная до уровня информа-**

ции в сокращенном варианте классика – это уже не классика, и ее “чтение” – уже не чтение. Чтение равно информации в тех случаях, если, во-первых, в тексте, кроме информации, не содержится ничего, и если, во-вторых, в читателе не вызван к жизни мир его субъективных впечатлений в процессе общения с текстом. В этом случае из пушкинской “треугольной шляпы” и “серого походного сюртука” он бессилен воссоздать Наполеона – для него это только сюртук и шляпа и больше ничего.

Открыть детям **чудодейственную силу чтения – значит привести в действие могучую духовную энергию, которая зажигает, вдохновляет и творит.** И. Бродский в своей нобелевской лекции отмечал, что Россия, в отличие от иных государств, в состоянии осознать себя только через литературу (следовательно, через чтение). **И замедление литературного процесса, какими бы причинами оно ни вызывалось, равносильно генетическому преступлению против будущего нации.**

На все здесь сказанное могут возразить: но ведь есть же и читающие дети, читающие глубоко и серьезно, их немало. Да, есть. И их существование в настоящем и будущем зависит от библиотеки, от того, как она умеет привить вкус к этому занятию, как умеет вдохнуть жизнь в физическое упражнение, только по привычке именуемое многими словом “чтение”. От нее зависит, обеспечит ли она чтению будущее, придаст ли ему жизненно значимый смысл, сделает ли этот процесс **желанным и радостным для ребенка.**

ЧИТАЮТ ЛИ НАШИ ЧИТАТЕЛИ?

Калейдоскоп событий

15 октября – МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ШКОЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК

По решению Международной ассоциации школьных библиотек ежегодно каждый третий понедельник октября будет отмечаться как **Международный день школьных библиотек.** В 2001 году наш профессиональный праздник мы будем **праздновать 15 октября.**

Редакция “ШБ” с удовольствием поздравляет всех представителей нашей чудесной, нужнейшей для человечества профессии. Давайте украсим к этому дню нашу библиотеку, позовем к себе своих друзей и единомышленников; а нередко друзьями школьной библиотеки считают себя все, кто каждый день приходит в любимую школу. Напомните в этот день своим читателям о том, что фактически впервые библиотеки появились при школах, ведь там, где есть книга, есть и свет знаний, и тепло души. Здоровья и счастья вам и вашим близким, хорошего настроения, исполнения желаний и много-много верных друзей желает вам

Редакция журнала “Школьная библиотека”